

НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ В ГОДЫ ВМВ

В июне 1940 года, после капитуляции Франции, немцы согласились оставить под контролем правительства маршала Петена колониальные владения. Обеспокоенный тем, что немцы получат доступ к французским территориям в Африке и в Карибском регионе, президент США Рузвельт установил дипломатические отношения с французским правительством и отправил в столицу неоккупированной немцами части Франции город Виши своего посла, важнейшей из задач которого было достижение гарантii того, что французский военно-морской флот и его базы в колониях не попадут в руки нацистов...

Одновременно с этим на политической арене появился генерал де Голль, находившийся в Лондоне и призывавший французов продолжать борьбу против немцев под знаменем движения *Свободная Франция*. Хотя правительство США поддерживало антинацистскую борьбу, оно не проявляло большого интереса к будущему возвращению под контроль колониальных империй их заморских владений после окончания войны.

На начальном этапе ВМВ в Азиатско-Тихоокеанском регионе Британская Империя контролировала Бирму, Индию и Малайский полуостров. Голландцы владели большей частью Зондских островов (в то время – Ост-Индия) и западной половиной Новой Гвинеи. Французские колониальные владения охватывали Индокитай и многие острова в Полинезии, Новые Гебриды и Новую Каледонию. Остров Новая Каледония был захвачен французами в 1853 году. На протяжении последующих 70 лет на остров было более доставлено 22 000 заключенных и ссыльных поселенцев. После того, как выяснилось, что на острове находятся крупные месторождения никеля и хрома, французские, японские и немецкие горнодобывающие компании приступили к их разработке. Поскольку местное население не проявило интереса к работе на рудниках, пришлось ввозить рабочую силу из голландской Ост-Индии. К началу ВМВ на острове проживало около 60 000 потомков французских ссыльных, рабочих-иммигрантов и колонистов различного происхождения, из которых 10 000 жили в столице колонии Нуэма.

Ноябрь 1942 года. Гавань Новой Каледонии

Занятый горами остров Новая Каледония достигает 248 миль в длину и 31 милю в ширину. Большинство городов острова расположено на побережье. Залив Мозель (Moselle), вдающийся в сушу к западу от Нуэма, был и остается превосходным глубоководным портом, расположенным всего в 900 милях от северо-восточного побережья Австралии и

почти на прямой линии между пятым континентом и Гавайями. Таким образом, остров занимал важнейшую стратегическую позицию на путях морских перевозок между странами, которые вскоре должны были стать союзниками в войне против стран Оси.

После падения Франции и установления в ее южной части коллаборационистского режима со столицей в городе Виши, большая часть колоний в Африке и на Тихом океане заявили о своей готовности продолжить антинацистскую борьбу, проигнорировав директивы из Виши - столицы коллаборационистского правительства Петена, принуждающие их к капитуляции, однако уже вскоре колонии одна за другой подчинились указам формально независимого правительства своей метрополии, и отныне продолжение вооруженной борьбы становилось преступлением... Хотя администрация французских колоний в Индокитае изначально отказалась от капитуляции, вскоре сопротивление прекратилось, и в колониях возобладали провишистские активисты. Япония к тому времени была в состоянии войны с Китаем и стремилась войти в Индокитай, чтобы отрезать противника от морских путей снабжения. Несмотря на оказанное сопротивление, к 26 сентября 1940 года Япония ввела 40000-ный военный контингент на территорию колоний. Для Великобритании, США и Австралии ввод японских войск в Индокитай был очевидной военной угрозой. Кроме ситуации в Индокитае правительства этих трех стран внимательно отслеживали ситуацию в Новой Кaledонии. 24 июня 1940 года губернатор колонии Жорж Пелисье (Georges Pélisier) и французский посланник принял резолюцию, в которой говорилось о намерении продолжить антинацистскую борьбу. Однако тут же выяснилось, что губернатор и консул были готовы бороться, скорее, на словах. Как писал Анри Сото (Henri Sautot) – патриотически настроенный француз с Новых Гебрид: «Этот шаг был более теоретическим, чем практическим, поскольку, когда пришла пора присягать де Голлю, это замечательное единение в духе 24 июня рассыпалось на куски.»

Анри Сото (1885-1963)
<https://www.ordredelaliberation.fr/fr/companions/henri-sautot>

Весь июль 1940 года, когда японцы закреплялись в Индокитае, Австралия сохраняла дружественную позицию по отношению к Новой Кaledонии. Провишистское правительство колонии – крупнейшего в мире экспортёра никеля – подписало соглашение о ежегодных поставках в Австралию 5 400 тонн высокосортного никеля. В обмен Австралия обязалась поставить в колонию коксующийся уголь для плавильных печей. Хотя Австралия никогда не нуждалась в больших количествах никеля, она решила монополизировать закупки никеля в этой французской колонии, чтобы поддержать ее экономику.

Из-за принятого в США Закона о Контроле за Экспортом/*Export Control Act*, подписанного в июле 1940 года президентом Рузвельтом и запрещавшего «экспорт важнейших, имеющих оборонное значение материалов», Япония потеряла возможность получения никеля из

Америки. Одна из канадских компаний, покупавшая никель в Новой Каледонии, отказалась продавать этот металл японцам по соображениям морального эмбарго/*moral embargo*. Хотя Новая Каледония все еще могла продавать необогащенный никелевый концентрат японцам, японская промышленность не располагала технологиями, позволявшими выплавлять металлический никель, который можно было бы использовать в сплавах.

Формально поддерживавший *Свободную Францию* губернатор Пелисьеर получил от правительства Виши телеграмму с указанием придерживаться «строжайшего соблюдения инструкций [вишистского] правительства, касающихся разрыва франко-британских дипломатических отношений.» Другими словами, Новой Каледонии предписывалось не иметь ничего общего с Австралией и британцами. В ответ на телеграмму Пелисьеर запротестовал, утверждая, что ему необходима открытая торговля с Австралией для того, чтобы избежать голода и беспорядков. К тому времени до Пелисьера уже доносился ропот жителей колонии и наиболее заметных фигур из их числа, недовольных постепенным переходом его администрации на сторону Виши. 29 июля, уступив давлению из метрополии, Пелисьер опубликовал новые указы, изданные вишистским правительством. Через четыре дня Генеральный Консул выпустил резолюцию о непризнании им губернатора, однако, не включавшую в себя разрыв связей с вишистским правительством и полную поддержку *Свободной Франции* и де Голля.

Новозеландские солдаты начинают строительство нового госпиталя на Новой Каледонии

Пока правительство колонии балансировало на грани падения, японцы настойчиво искали доступ к местному никелю. В этом принимали участие и японские представители на острове, и дипломаты, оказывавшие прямое давление на вишистское правительство самой Франции. 25 августа губернатор Пелисьер получил инструкции из Виши, предписывавшие полную переориентировку экспорта никеля и никелевых руд на Японию. Губернатор передал инструкции администрации производств, занятых в выплавке никеля. Двое руководителей, оба склонявшиеся в сторону *Свободной Франции*, проигнорировали эти указания. Кроме того, они прекрасно понимали, что, если они начнут отгрузку продукции в Японию, Австралия прекратит поставки угля, что вынудит их остановить плавильные печи.

После опубликования указов правительства Франции в колонии стал заметен рост антивишистских настроений. Все большее количество жителей колонии стало высказываться в пользу полномасштабного сотрудничества де Голлем и движением *Свободная Франция*. В ответ на это Пелисье обратился к вишистскому правительству с просьбой прислать в Нумеа военный корабль. 23 августа ведомая провишистски настроенным командиром канонерская лодка *Dumont d'Urville* прибыла в колонию. Несмотря на приказ утихомирить жителей колонии, командир военного корабля сообщил в своем рапорте, что присутствие в порту его корабля только усилило раздражение у людей. В его рапорте сохранилась такая характеристика Пелисьера: «Слабый и нерешительный.» 28 августа правительство метрополии прислало привишистски настроенному активисту и командующему местной милицией подполковнику Морису Дени (Maurice Denis) приказ сменить Пелисьера на его посту в качестве временного губернатора. 4 сентября теперь уже бывший губернатор на самолете компании *Pan American Airways* отбыл в изгнание в США...

В то время как исполняющий обязанности губернатора Дени пытался обрушить репрессии на голлистов, сам генерал де Голль в Лондоне получил извещение о том, что сочувствующие *Свободной Франции* жители Новой Кaledонии готовы к решительным действиям. Все, что им было нужно, - это лидер. Де Голль незамедлительно вступил в контакт с Анри Сото, находившимся на Новых Гебридах: если Сото может прибыть в Новую Кaledонию, он сможет мобилизовать население на свержение провишистского губернатора. Сото, однако, беспокоило многое, в том числе, - присутствие военного корабля в порту. Считая, что пока корабль остается в порту, проголлистски настроенные жители колонии не станут действовать, де Голль обратился к британцам с просьбой послать австралийский военный корабль в качестве сопровождения Сото на пути в Нумеа. После положительного ответа британского и австралийского правительства, Сото отправился в путь на борту норвежского танкера *Norden*, сопровождаемого австралийским крейсером *Adelaide*.

Слухи о скором прибытии Сото бежали впереди него, и 19 сентября, когда *Norden* и *Adelaide* пришли в Нумеа, активисты вошли в столицу и потребовали от губернатора Дени, чтобы он или перешел на сторону *Свободной Франции*, или подал в отставку. К 3 часам дня, поддержанный взбудораженной и полной энтузиазма толпой, Анри Сото сменил подполковника Дени на посту губернатора. Почти через неделю, получив уверения в том, что никто из провишистски настроенных чиновников и активистов не будет арестован или не пострадает, командир канонерки *Dumont d'Urville* увел свой корабль в Индокитай...

Начав почти с нуля, Сото начал формировать рабочее правительство, рассчитывая на экономическую помощь Австралии в деле стабилизации положения. В Австралии правительственные круги начали побаиваться того, что японцы попробуют воспользоваться нестабильностью в колонии и попытаются захватить ее. В то время как большая часть военно-морского флота Австралии находилась на Средиземноморье, правительство этой страны вовсе не хотело видеть японцев всего в 900 милях от берегов своей страны.

Через два последующих месяца австралийские и новокаледонские власти пришли к соглашению о превращении острова в передовую военную базу, на которой будут находиться летающие лодки и наземная авиация, два 6-дюймовых орудия береговой артиллерии, оружие и снаряжение для сил местной самообороны. К середине мая 1941 года, после получения одобрения со стороны де Голя, первоначальные работы по созданию военных объектов близ Нумеа были закончены. В течение последующих нескольких месяцев дополнительные взлетно-посадочные полосы были построены в 34 милях к северу от столицы на западном побережье острова в районе *Plaine des Gaiacs* и *Koumac* на северной оконечности острова.

Война в Европе и растущий страх перед войной с Японией делали экономическую ситуацию для Новой Кaledонии все более благоприятной. США становились Арсеналом Демократии, американские заводы приступили к производству вооружений для

Великобритании и ее союзников, и потребность в никеле и хроме значительно возросла, дав толчок к развитию соответствующих производств в этой французской колонии. К сожалению, с ростом значимости Новой Кaledонии как источника стратегических материалов стали расти и опасения де Голля относительно мотивов политики США, Великобритании и Австралии в регионе.

18 апреля 1941 года губернатор Сото отправил де Голлю телеграмму с жалобой на политику австралийского правительства, накладывающего «неприемлемый» контроль над экономикой колонии. В администрации колонии сложилось впечатление, что Австралия «просто желает эксплуатировать Новую Кaledонию в австралийских интересах.» В меморандуме, выпущенном *Свободной Францией* в Лондоне содержалась жалоба на то, экономические интересы Новой Кaledонии были принесены в жертву интересам Британской Империи. После многих горячих дискуссий со своими британскими хозяевами, де Голль стал с подозрением относиться к намерениям союзников по отношению к Новой Кaledонии и другим французским владениям в регионе. Полный желания иметь в качестве своего представителя в этом регионе человека, которому можно было полностью доверять, он назначил своего друга капитана Жоржа Тьери д'Арженли (Georges Thierry d'Argenlieu) представителем французского правительства в Тихоокеанском регионе и переправил его в Нумена.

Жорж Тьери д'Арженли (1889-1964)
<https://www.ordredelaliberation.fr/fr/companions/georges-thierry-dargenlieu>

Хотя д'Арженли описывали как человека тщеславного, дотошного, хитрого, амбициозного и напыщенного, де Голль полностью доверял ему. Капитан получил инструкции, касающиеся утряски всех вопросов, связанных с участием австралийцев в мероприятиях по укреплению обороны острова. Получивший звание контр-адмирала д'Арженли прибыл в Нумена 6 ноября 1941 года и немедленно приступил к ознакомлению с ситуацией. Вскоре после этого два американских военных представителя, один из BBC и другой из Корпуса [Военных] Инженеров, прибыли на остров без официального объявления об этом.

Острая нехватка мест для жилья, усугубившаяся из-за недружественной политики чиновников Свободной Франции, вынудила американцев размещать своих военнослужащих в жилищах местных жителей на небольшом участке земли. В каждый момент времени на острове находилось около 50 000 американцев...

Без уведомления д'Арженли или де Голля 15 октября 1941 года США обратились с просьбой к правительству Великобритании, Австралии и Новой Зеландии и [лондонскому] правительству Нидерландов в изгнании с просьбой о содействии в строительстве аэродромов в Тихоокеанском регионе. Хотя д'Арженли и разрешил американским представителям осмотреть аэродромы, уже построенные австралийцами, де Голль не скрывал своей глубокой обиды за то, что Свободная Франция не была уведомлена о прибытии американцев на остров...

21 ноября 1941 года де Голль направил д'Арженли инструкции, касающиеся необходимости установления жестких правил соблюдения французского суверенитета и осуществления властных полномочий над островом и включающие указания на то, что все аэродромы, построенные на французской земле, будут находиться исключительно под французским контролем. Когда два американских военных представителя предложили расширить аэродром в районе Plaine des Gaiacs для приема тяжелых бомбардировщиков, д'Арженли полностью остановил строительство до получения инструкций от представительства Свободной Франции в Вашингтоне.

Вероятно, не в состоянии понять или не желая понимать всю сложность политической ситуации в колонии, американский Департамент Военного Планирования (War Plans Division) обратился в американский МИД с меморандумом, в котором говорилось о намерении BBC США увеличить в размере взлетно-посадочные полосы на аэродроме в Plaine des Gaiacs и о том, что BBC «заключило контракт с австралийским правительством на улучшение аэродрома.» В этом же меморандуме говорилось: «Армия хотела бы, чтобы правительство Австралии взяло на себя ответственность за оборону [острова].» Департамент Военного Планирования в своем меморандуме ни одним словом не упомянул Свободную Францию и то, что, в реальности, Свободная Франция осуществляет контроль над Новой Кaledонией.

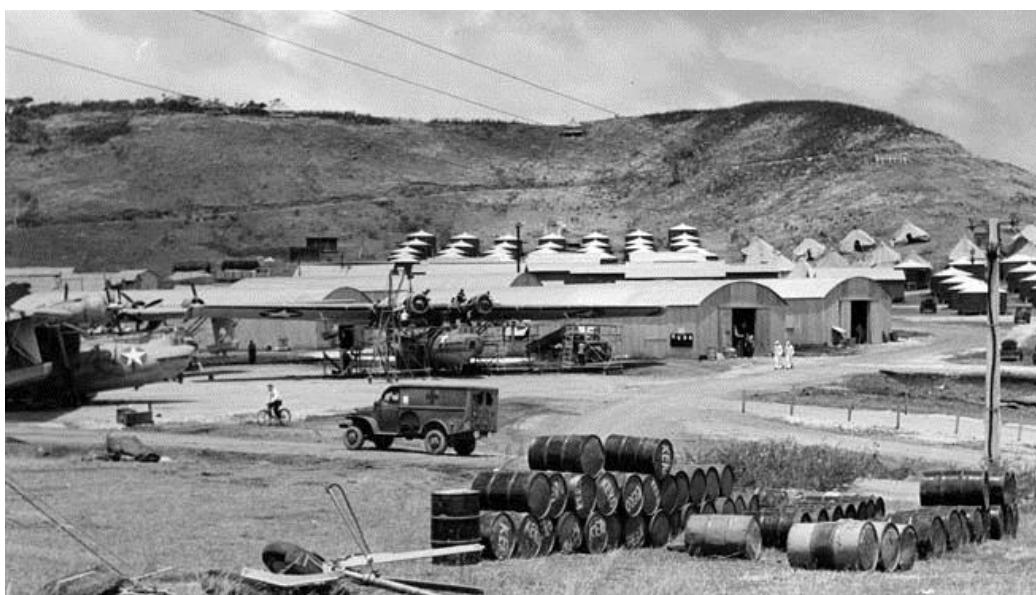
Все споры закончились 7 декабря 1941 года, когда японцы атаковали Пёрл-Харбор. На следующий день де Голль направил д'Арженли телеграмму с указанием «передать в

распоряжение союзных сил все средства, которые могут быть предоставлены базами на Новых Гебридах, Таити и Новой Каледонии... Как только будет объявлено состояние войны между Великобританией и Японией, вы будете считать себя в состоянии войны с последней.» Разумеется, Великобритания в тот же день объявила войну Японии, и, хотя д'Арженли разрешил осуществление строительных работ на аэродроме Plaine des Gaiacs, он стал бояться того, что расширенный аэродром на острове станет еще более заманчивой целью для японцев...

Для обороны острова Новая Каледония располагала гарнизоном из 800 человек, двумя батареями легкой береговой артиллерии и плохо вооруженными силами колонистов-ополченцев. Хотя Австралия не располагала избыточным военным персоналом для отправки на Новую Каледонию, поскольку большая часть ее вооруженных сил сражалась с немцами и итальянцами в Северной Африке, отряд командос из 300 человек был поспешно отправлен на остров, чтобы поднять боевой дух находившихся там сил *Свободной Франции*.

10 декабря 1941 года офицер, служивший в американском МИД, писал: «Я верю в то, что мы должны привлечь чье-то внимание к тому факту, что, в соответствии с имеющейся у нас самой новой информацией, Австралия не взяла под свой контроль оборону [Новой Каледонии]. Захват Новой Каледонии японцам, само собой, будет означать существенный подрыв всех наших военных усилий.»

Когда начальник штаба Армии США генерал Джордж Маршалл (George C. Marshall) попросил заместителя Департамента Военного Планирования бригадного генерала Дуайта Эйзенхауэра (Dwight D. Eisenhower) разработать план действий на Тихоокеанском ТВД, Эйзенхаэр пришел к заключению о том, что Филиппины удержать не удастся и что единственной базой для начала военных операций будет Австралия: «Нашей базой должна стать Австралия, и мы должны немедленно начать расширять там свои базы и обеспечить [транспортные] коммуникации с ними.» Коммуникации с Австралией пролегали через Гавайи, Фиджи, Новую Каледонию и Новую Зеландию...

Персонал ВМФ США занят техобслуживанием летающих лодок Каталина/Catalina на авиабазе II Nou на острове Новая Каледония. За постройками авиабазы просматриваются палатки, в которых жили американцы

Однако в тот момент времени реальную угрозу Новой Каледонии представляли собой не японцы, о чем, правда, не знали в Вашингтоне. После 7 декабря, когда японцы одерживали одну победу за другой, правительство в Виши ожидало, что скоро под их контролем

окажется и южный сектор Тихого океана. В этой связи в своем коммюнике, направленном в японское посольство в Виши, правительство маршала Петена заявило о том, что, если Япония продолжит свое наступление на юг, «французская авиация и отряд французских войск [из Индокитая] смогут принять участие в боевых действиях против Новой Каледонии.»

В середине января 1942 года были разработаны планы опережающего похода французских боевых кораблей из Индокитая к берегам Новой Каледонии для последующего захвата острова и перехода его под контроль вишистского правительства. 23 января в Виши была отправлена телеграмма с описанием плана действий и просьбой утвердить начало операции на момент, когда японцы подойдут достаточно близко к острову. По счастью для союзников, текущие события предотвратили рейд базировавшихся в Индокитае вишистов в южную часть Тихого океана.

Пока базировавшиеся в Индокитае вишисты ожидали ответа из Франции на свой запрос, второпях собранная американская боевая группа устремилась к Новой Каледонии. 23 января 1942 года 17 000-ный американский военный контингент отправился из Нью-Йорка в Мельбурн, откуда предполагалась его переброска в Новую Каледонию. Командующий контингентом бригадный генерал Александр Пэтч мл. (Alexander M. Patch, Jr.) должен был прибыть в Австралию самолетом. Пока американские корабли были в пути, до вashingtonских чиновников стали доходить слухи о намерениях вишистов перебросить свои силы в направлении Новой Каледонии. Вашингтон незамедлительно предупредил вишистское правительство о недопустимости каких-либо изменений в статусе тихоокеанских колоний Франции: то, что принадлежало Виши, оставалось в его руках, то, что отошло к *Свободной Франции*, должно было оставаться *Свободной Францией*. 22 февраля, еще до прибытия американского контингента на остров, МИД США направил в Нуумеа послание, в которой говорилось следующее: «Правительство [США] признает, в частности, что островные владения Франции в этом регионе находятся под контролем Французского Национального Комитета/French Nationalist Committee... Правительство [США] ценит значимость Новой Каледонии в системе обороны Тихоокеанского региона.»

Тем временем д'Арженли был в шоке. Не получив информацию о том, что американский контингент находится в пути, он был разгневан тем, что американцы не желают предоставить войска и вооружения для защиты Новой Каледонии. В конце января он отправил де Голлю телеграмму, в которой выразил свое разочарование происходящим: «Из США мы получили всего лишь офицера связи. Нет ответа на нашу просьбу прислать вооружения... Кажется, Соединенные Штаты настроены на то, чтобы выжать из нас все необходимое им без какой-либо компенсации.»

Постоянно относившийся с подозрениями к «скрытым» намерениям американцев и австралийцев д'Арженли добавил: «Я полагаю, без какого-либо основательного тому подтверждения, наличие секретной сделки между Америкой и Австралией, касающейся высадки американских войск [на остров] без предварительного согласования с нами. Вы проинструктировали меня отнестись к этому как к неприемлемому. Я буду следовать полученным приказам с применением всех возможных средств.»

Беспокоясь о том, что д'Арженли воспротивится прибытию американских войск, Объединенный Комитет Начальников Штабов (ОКНШ) направил де Голлю коммюнике, в котором информировал его о том, что британцы и американцы «высоко ценят значимость Новой Каледонии и принимают меры по усилению ее обороны.» Ни о чем конкретном не говорилось, но генерал получил уверения в том, что помочь уже в пути. Телеграмма заканчивалась следующим: «Мы просим проинформировать главу администрации в Нуумеа и обеспечить с его стороны соблюдение полной секретности.»

Американцы перевозят после доставки на остров разукомплектованные истребители P-38 по улицам Нуэма

Д'Арженли, получив 1 февраля эту не сопровождавшуюся деталями информацию, по-прежнему чувствовал, что его проигнорировали. В ответ он стал настаивать на том, чтобы в будущем его заблаговременно информировали о каких-либо предлагаемых американцами действиях и что высадка американцев в Нуэма должна пройти под его руководством. Надеясь на то, что д'Арженли удастся у说服ить генерал Маршалл приказал генералу Пэтчу встретиться с ним. Эта встреча произошла 9 марта в Нуэма, и через три дня д'Арженли доложил де Голлю: «Теперь между Пэтчем и мною установлен контакт... кажется очевидным, что командование союзными силами в Новой Кaledонии будет осуществляться только Пэтчем, располагающим силами и [материальными] ресурсами, несравненно большими, чем наши... После моей просьбы о передачи мне его инструкций, он уверил меня в том, что будет информировать меня о всех своих действиях.»

26 февраля американский контингент прибыл в Мельбурн. Войска высадились в Нуэма 13 марта. К концу месяца на остров прибыли еще 5 000 военнослужащих полка тяжелой артиллерии, после чего контингент Пэтча составил более 22 000 человек. Позднее на остров прибудет еще и 164-й пехотный Полк американцев.

Новая Кaledония не была готова к такому неожиданному наплыву людей, да и американцы не были готовы к пребыванию на острове. Здесь не было достаточного количества помещений для проживания войск, и американцы не имели информации о том, в каком направлении двигаться дальше. По счастью, генерал Пэтч вскоре обзавелся тремя австралийскими офицерами связи. Армейские инженеры и части обслуживания сумели справиться с ситуацией, и при поддержке австралийских офицеров связи приступили к переброске материалов и техники, в том числе, разобранных на части самолетов по так называемой Малой Бирманской Дороге/Little Burma Road, которая соединили порт Нуэма с недостроенными австралийскими аэродромами и некоторыми новыми пунктами обороны, расположенными на северной оконечности острова.

Ближе к концу марта генерал Макартур, покинувший Филиппины и переместившийся в Австралию, был назначен верховным главнокомандующим союзных сил на Юго-Западе Тихого океана (South-West Pacific) – района, простиравшегося на восток от Австралии до 160-го меридиана и с выступом в районе Соломоновых островов. Силы союзников в остальной части Тихоокеанского ТВД остались под командованием адмирала Честера Нимитца (Chester Nimitz). Отдельные территории – районы Новой Зеландии, Новых Гебрид, Фиджи, Самоа и Новой Кaledонии – Юг Тихого океана (South Pacific) – 19 апреля отошли к сфере командования адмирала Роберта Гормли (Robert L. Ghormley), штаб которого разместился в Окленде. Гормли был проинформирован о том, что вскоре, вероятно, осенью, у него будет достаточно войск и вооружений, чтобы перейти в наступление.

Трансформация находившегося в подчинении генерала Пэтча контингента в хорошо обученную боевую группу заняла несколько месяцев. В мае 1942 года он, не по своей воле, оказался втянутым в островные политические дрязги. Хотя адмирал д'Арженли был посланником *Свободной Франции* во всех ее Тихоокеанских владениях, он продолжал пребывать в Нуэма и принимать решения, которые должен был принимать губернатор Сото. Когда некоторые местные чиновники начали жаловаться, д'Арженли убедил генерала де Голля в том, что он сам сможет управляться в непростой ситуации на острове, и в том, что необходимо «пригласить» Сото в Лондон для предоставления ему новой позиции... Хотя Сото сначала согласился с этим, со временем он поменял свою позицию, решив, что д'Арженли просто хочет убрать его со своего пути. 5 мая, после того, как Сото послал де Голлю сообщение с просьбой оставить его на посту губернатора, войска, верные д'Арженли, задержали Сото и четверых его ведущих сторонников и препроводили их на поджидавший пассажиров шлюп *Chevreuil*.

Один из людей, близких к Сото, Жорж Дюбуа (George Dubois), сумел избежать ареста и успел к генералу Пэтчу в поисках поддержки со стороны американцев. Не желая вмешиваться в колониальные политические игры, Пэтч отправил Дюбуа домой, но предоставил ему вооруженную охрану. Этот шаг генерала спровоцировал вспышку гнева у обеих противоборствующих сторон. Жители колонии, верные д'Арженли, высказывали такое мнение, что Пэтч должен был арестовать Дюбуа, тогда как люди, верные Сото, говорили, что Пэтч должен был освободить губернатора и его людей, которые были арестованы незаконно...

На следующее утро *Chevreuil* с Сото и его товарищами на борту отбыл в Новую Зеландию. Находясь в пути, корабль получил сигнал тревоги с греческого судна, торпедированного японской подводной лодкой. Хотя греческое судно находилось всего в 30 милях к югу и *Chevreuil* был оснащен новейшими средствами противолодочной борьбы, его капитан проигнорировал этот сигнал и продолжил свой путь, настолько жестким было желание сил, лояльных д'Арженли, избавиться от Сото. Высадив четверых его сторонников на крохотном острове Уолпол/Walpole примерно в 150 милях от Нуэма, корабль достиг Окленда, где высадил Сото на берег. Его сопровождал офицер связи, который получил приказ присматривать за Сото, пока тот не доберется до Англии.

На следующий день Пэтч пожаловался д'Арженли на то, что *Chevreuil* проигнорировал сигнал тревоги и не принял участие в поиске японской подводной лодки. Пэтч проинформировал адмирала о том, что три американских транспорта с войсками и грузами находились неподалеку от Новой Кaledонии и в опасной зоне действия японцев. Он попросил д'Арженли вернуть *Chevreuil* для участия в противолодочной операции. В ответ адмирал заявил, что был бы не против того, чтобы вернуть шлюп «на несколько часов», но только в том случае, если Пэтч передаст ему детальную информацию о путях движения трех американских судов, их грузах и контингентах. Пэтч не захотел этого сделать, поэтому *Chevreuil* остался в Окленде, и отношения между американцами и *Свободными Французами* ухудшились...

Когда жители Новой Каледонии узнали о том, что *Chevreuil* увез с острова их лидеров, они взбунтовались. Чтобы навести порядок, д'Арженли попросил Пэтча о предоставлении ему американских войск для того, чтобы рассеять толпы протестующих. Пэтч отказался. В своем рапорте в Вашингтон он разъяснил ситуацию и сообщил о том, что ожидает эскалации беспорядков в том случае, если д'Арженли не будет удален с поста. Он также написал, что, если американцы помогут д'Арженли, Соединенные Штаты «потеряют военную поддержку местной милиции и населения в целом [которые поддерживали Сото].» Затем он спросил, есть ли у него военные полномочия поместить д'Арженли и его персонал под защитный арест, так как «беспорядки вышли на уровень непосредственной и опасной военной угрозы.»

Британские власти были шокированы происходившим в Новой Каледонии. Как писал историк Джон Лори (John Lawrey), «поведение д'Арженли... казалось невероятным. Новая Каледония находилась на переднем крае [антаяпонской] битвы и могла стать непосредственной целью для противника. Но в этот самый момент [д'Арженли] прибег к тому, чтобы уволить губернатора, который привел остров в ряды де Голля и который хорошо ладил в работе с британцами и американцами.» Британцы стали оказывать на де Голля давление, требуя, чтобы он выправил ситуацию на Новой Каледонии.

8 мая д'Арженли покинул Нуимеа, чтобы посетить населенные пункты на западном побережье острова и наладить контакт с населением, которое было «постыдным образом сбито с пути истинного питаемой иностранцами пропагандой». Однако, покинув столицу, он был арестован местными властями. Стремясь избежать неприятностей, генерал Пэтчоказал давление на местных без применения военной силы, и д'Арженли был освобожден. В итоге, местные сумели вынудить д'Арженли согласиться на возвращение четверых гражданских оппозиционеров, депортированных на остров Уолпол. 17 мая эти люди вернулись и были восторженно встречены людскими толпами.

Тем временем в Лондоне де Голль повторил заявление д'Арженли о том, что, Соединенные Штаты – это не больше чем «демократическая страна с империалистическими амбициями», рассчитывающая на то, чтобы выкинуть французов с Новой Каледонии в тот момент, когда Франция слаба, и взять остров под контроль для своих нужд. В соответствии с этим сам д'Арженли написал: «У нас в Нуимеа есть одна цель – видеть, что остров остается в руках французов, в то же время обеспечивая его оборону.»

Однако в начале мая генерал де Голль, адмирал д'Арженли и все население Новой Каледонии усвоили, насколько отчаянной является для них необходимость работать в тесном контакте с американцами, чтобы защитить свой остров. 3 мая японцы захватили остров Тулаги в архипелаге Соломоновы острова, и 10 мая пришло сообщение о том, что японский авианосец движется в направлении Новой Каледонии. Силы генерала Пэтча и местная милиция были приведены в состоянии полной боевой готовности. Потом выяснилось, что японский корабль был частью сил вторжения, нацелившихся на Порт Морсби на Новой Гвинее после сражения в Коралловом море. Хотя непосредственная угроза рассеялась, стало ясно, что все находившиеся на острове силы должны взаимодействовать друг с другом в полной мере для блага колонии.

В попытке умиротворить д'Арженли Пэтч отправил ему извинения за свое вмешательство в дело Дюбуа. Тем не менее он попросил больше не предпринимать никаких действий против этого человека. Для Свободной Франции извинения Пэтча стали признанием вины в том, что он встал на позиции одной из сторон в местном политическом раскладе. И д'Арженли, и де Голль с острой обидой восприняли вмешательство американцев. Адмирал д'Арженли затаил в глубине души ненависть к Пэтчу и американцам, и, когда адмирал Громли оказался в Нуимеа по пути в Окланд 20 мая, д'Арженли передал ему длинный список необоснованных жалоб в адрес Пэтча.

Фактически до высадки американцев на острове Гуадалканал 7 августа 1942 года д'Арженли продолжал поддерживать с Пэтчем обмен посланиями, которые, с его стороны, были полны жалоб, протестов и недовольства. В то же время он постоянно напоминал Пэтчу о том, что не подчиняется никому, кроме находившегося в Лондоне де Голля. К сожалению, вторжение британцев на подконтрольный вишистам Мадагаскар только усилило подозрения де Голля и д'Арженли в том, что британцы и американцы стремятся захватить довоенные французские владения.

23 мая американский военный контингент на острове был официально преобразован в 23-ю Пехотную Дивизию, ставшую известной под названием *Американская Дивизия/American Division*. До ноября 1942 года Американская Дивизия и горстка австралийских и местных военнослужащих оставались единственными защитниками острова. Со временем, когда остров станет основной базой снабжения для войск, сражавшихся на Соломоновых островах, на остров прибудут дополнительные силы американцев, увеличив гарнизон острова до 50 000 человек.

Между 29 июня и 2 июля 1942 года ОКНШ разработал план операции по захвату острова Тулаги в архипелаге Соломоновы острова. Затем, когда выяснилось, что японцы строят авиабазу на острове Гуадалканал, было принято решение как можно быстрее высадиться на обоих островах силами 1-й Дивизии морской пехоты. Чтобы осуществить операцию под контролем ВМФ, ОКШ сдвинул границу находившейся в сфере деятельности Макартура юго-западной части Тихого океана к западу и поместил Соломонову острова в сферу деятельности адмирала Нимитца и южную часть Тихоокеанского ТВД, где действиями союзников руководил адмирал Гормли.

Гормли был осторожным и беспокойным человеком. Он не хотел наступать на Соломоновых островах и чувствовал, что его люди еще не готовы к этому. В одном из писем, в котором упоминался Макартур, он писал: «[Мы], двое командующих, придерживаемся одной точки зрения, к которой пришли независимо друг от друга... начало операции в этот момент... будет сопряжено со смертельным риском. Рекомендуется отложить эту операцию.» ОКНШ проигнорировал эту рекомендацию: операция состоится. К сожалению, Гормли останется пессимистом на протяжении всей компании.

Американские военнослужащие грусятся на транспортное судно в порту Нуэма, отправляясь в зону боевых действий в архипелаге Соломоновы острова

Чтобы подготовиться к высадке, назначенной на 7 августа, Гормли переместил свой штаб из Окленда на Нумеа, на 1 100 миль ближе к Соломоновым островам. Хотя про него пишут, что он был приятным человеком, Гормли (1883-1958) по возрасту приближался к окончанию своей карьеры и уже был утомлен психологически и физически. В смысле энергетики он явно не дотягивал до уровня д'Арженли и нового губернатора Огюста-Анри Моншама (Auguste-Henri Montchamp), полностью поддерживавшего своего шефа. Прибыв в порт Нумеа на борту своего довольно древнего штабного судна *Argonne*, он был проинформирован о том, что он и его штабные офицеры не могут сойти на берег и не могут использовать какой-либо офис в городе. Доступных помещений не имеется... Гормли, известный тем, что не любил надоедать людям, не стал ни на кого давить и преспокойно обосновал свой штаб на *Argonne*, на котором даже не было кондиционеров, и приступил к руководству операцией по высадке на Соломоновы острова.

Губернатор Моншам не доверял американцам и считал их «грубыми и агрессивными.» Будучи еще одним приятелем де Голля, Моншам принял на себя часть давления на д'Арженли, возникавшего в ходе его общения с американцами. Когда бы Гормли не затевал требующий нервного напряжения разговор об офисе на земле Новой Кaledонии, Моншам резко отказывал в этом. Назначая его новым губернатором Новой Кaledонии, лидер *Свободной Франции* подчеркивал необходимость иметь на этом посту кого-то, кто будет ладить в работе в д'Арженли и отстаивать свою точку зрения в общении с американцами, невзирая на их колоссальные ресурсы. Все это он увидел в губернаторе Моншаме.

7 августа американцы высадились на [Тулаги](#) и [Гуадалканале](#). Хотя десантные операции прошли хорошо, американский флот потерпел одно из крупнейших поражений в своей истории 9 августа, после того, как адмирал Гормли разрешил своему другу по военно-морской академии вице-адмиралу Фрэнку Флетчеру (Frank J. Fletcher) отвести свои три авианосца и их корабли поддержки от Соломоновых островов после всего лишь 36 часов нахождения на боевых позициях. В ночном сражении у острова Саво американцы потеряли три крейсера, один австралийский крейсер и один эсминец были повреждены. Был поврежден всего лишь один японский эсминец. В своем рапорте Нимитцу Гормли оправдал отвод Флетчером авианосцев следующими словами: «Авианосцы, испытывавшие нехватку топлива, ушли на заправку.»

В течение следующих нескольких недель адмирал Флетчер и его авианосцы оставались далеко к югу от Гуадалканала, предположительно защищая морские коммуникации между Соломоновыми островами и Австралией, в то время как японцы перебросили тысячи солдат и офицеров на Гуадалканал. В дневное время японская авиация наносила удары безо всяких препятствий, а по ночам японские корабли обстреливали захваченный американцами аэродром и позиции морской пехоты США на острове.

Хотя авианосцы Флетчера могли бы предоставить столь необходимое воздушное прикрытие, ни он, ни Громли не торопились сделать это. 24-го августа Флетчер вступил в бой с японцами в восточной части архипелага Соломоновы острова (Battle of the Eastern Solomons). Американцы потопили один японский авианосец, один эсминец и один легкий крейсер, при этом только один из их авианосцев получил повреждения. Несколько дней спустя, однако, японские подводные лодки потопили еще один американский авианосец и повредили третий. После того, как все его авианосцы оказались потопленными или поврежденными, Флетчер запросил отпуск по болезни и получил его. К активной службе на Тихом океане он больше не возвращался...

Гормли обратился с запросом о дальнейших действиях к Макартру, и двое командующих пришли к выводу о том, что позиции на Гуадалканале удержать невозможно и морпехов нужно эвакуировать. Эта пораженная позиция разгневала Нимитца. Он знал, что японцы делают все возможное, чтобы удержать Гуадалканал под контролем. Они уже потеряли тысячи людей, десятки кораблей и сотни самолетов, обороняя остров. Хотя морпехи удерживали свои позиции из последних сил, Нимитц настаивал на том, чтобы они именно

это и делали – просто держались. Америка еще только начинает подниматься на уровень полного использования своего потенциала, и ситуация на Гуадалканале выправится!

Стремясь увидеть своими глазами происходящее в южной части Тихого океана, Нимитц прилетел в Нумена для встречи с Гормли. К своему удивлению, Нимитц нашел своего друга по академии обливающимся потом на борту штабного судна. Он так и не стал связываться с французами по вопросу о предоставлении ему офиса на берегу... Хотя Нимитц и приказал Гормли ранее «лично осуществлять стратегическое командование», он обнаружил, что за два месяца тот ни разу не побывал на Гуадалканале.

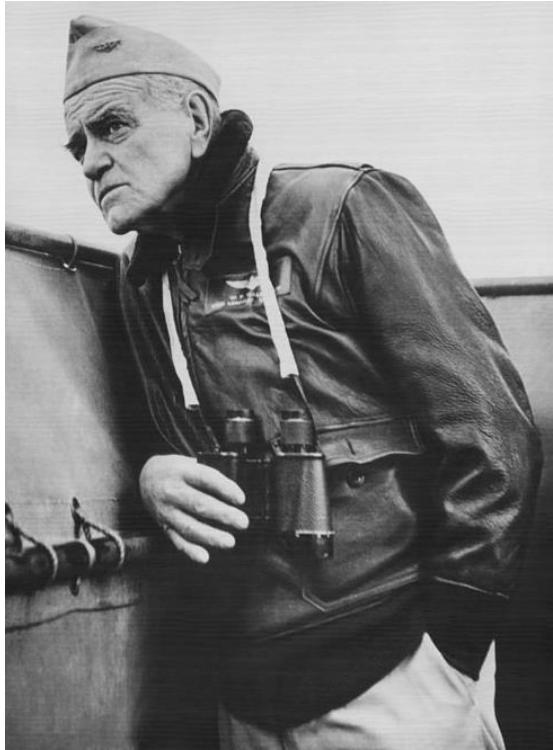
После посещения Гуадалканала, где Нимитц столкнулся с тем, что сами морпехи были настроены весьма оптимистично относительно своих шансов на победу, он вернулся в Нумена для еще одной встречи с Гормли. Нимитц хотел знать, почему корабли, относившиеся к сфере боевых действий в Южной части Тихого океана, не использовались для того, чтобы остановить операции японцев по переброске подкреплений на Гуадалканал. Он хотел знать, почему Американская Дивизия, проходившая боевую подготовку на Нумена с марта, все еще не была отправлена на Гуадалканал. Он хотел знать, почему гарнизоны других островов не были частично использованы в качестве подкреплений для сражавшихся на Гуадалканале.

После того, как Нимитц покинул Нумена, Гормли перебросил 164-й Пехотный Полк из состава Американской Дивизии на Гуадалканал. Корабли эскорта войсковых транспортов во время переброски подкреплений в ночь с 11 на 12 октября 1942 года застали врасплох непосредственно к северу от Гуадалканала небольшую группу японских кораблей. В бою, получившем название сражение у мыса Эсперанс, американскими моряками была одержана перваяенная победа. Они потопили один крейсер и один эсминец японцев и повредили еще два крейсера. Сами они потеряли только один эсминец, но два крейсера и два эсминца были повреждены. 13 октября 1942 года первые части Американской Дивизии высадились на Гуадалканале.

Вернувшись в свой штаб на Гавайях, Нимитц немедленно начал снимать с расположенных в центральной части Тихого океана баз самолеты и перебрасывать их на Гуадалканал. Одновременно с этим он уведомил армейскую 25-ю Дивизию, дислоцированную на Гавайях, о необходимости быть готовой к переброске в любой момент. Он пришел к выводу, что Гормли был на грани нервного срыва, и отправил адмирала Уильяма Холзи (William F. Bull Halsey) для дальнейшего изучения ситуации с южной части Тихого океана. После того, как гидроплан, на борту которого находился Холзи, сел на воду в гавани Нумена 18 октября, адмирал открыл запечатанный конверт, который ему неожиданно передали. «По прибытии в Нумена, - прочел он в письме Нимитца, - вы смените вице-адмирала Роберта Гормли на его посту командующего на юге Тихого океана.» Холзи воскликнул: «Мой бог! Это самая горячая картофелина из всех, что мне когда-либо давали в руки!»

В то время как Пэтч и Гормли хорошо ладили с французскими властями и едва ли не оправдывали их во всем, Холзи был агрессивен и нетерпелив. Когда Холзи представлялся губернатору Моншаму, поскольку д'Арженли к тому времени переместил свою резиденцию на контролируемый французами остров Таити, он обнаружил, что Моншам ведет себя с ним надменно безо всяких на это оснований. Холзи вспоминал: «Французский губернатор держался с мрачноватым (но не молчаливым) высокомерием в своем дворце на вершине холма.»

Чтобы помочь в успехе переговоров между американцами и Свободными Французами на Новой Кaledонии, Вашингтон попросил де Голля разрешить Моншаму иметь дела напрямую с Холзи без обращения с запросами в Лондон. Хотя де Голль согласился на это, Моншам продолжал настаивать на том, что ему необходимо сверяться с Лондоном перед принятием важнейших решений, таким образом, замедляя все до предела. Находясь на Таити, д'Арженли поддерживал каждый шаг Моншама.

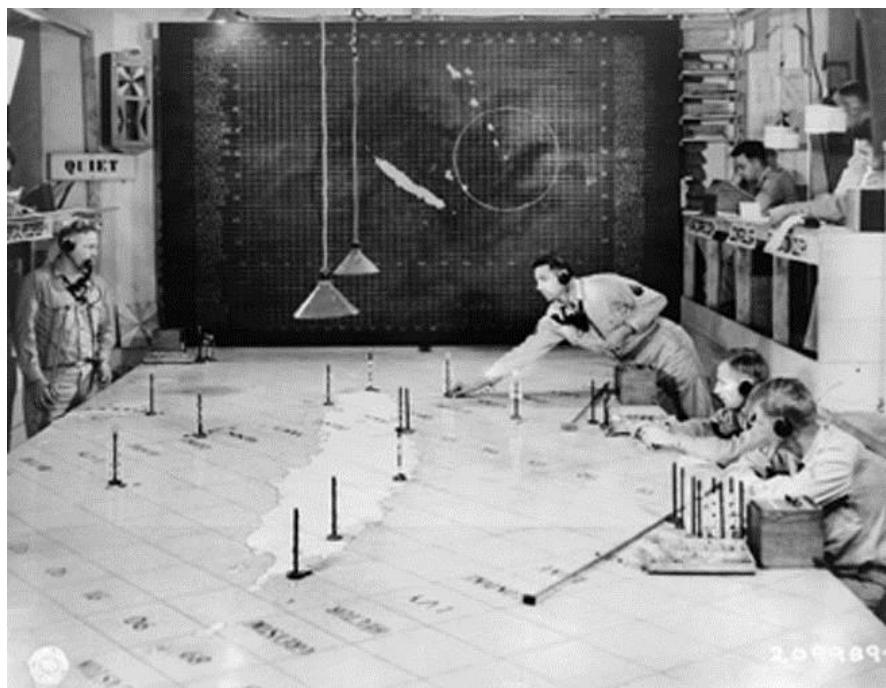
Уильям Холзи (1882 – 1959)

<https://fineartamerica.com/featured/admiral-william-bull-halsey-on-ship-wwii-war-is-hell-store.html?product=wood-print>

В первые шесть недель, с 18 октября по 1 декабря, подчиненные Холзи войска и корабли приняли участие в трех морских сражениях и нескольких наземных боях. В каждом морском сражении японские корабли были вынуждены повернуть назад: им не давали выйти на позиции, пригодные для обстрела позиций морской пехоты на Гуадалканале, или возможности высадить подкрепления. В наземных боях получившие подкрепления морпехи разом останавливали пытавшихся атаковать японцев и сумели расширить свой оборонительный периметр вокруг аэродрома Хендерсон/Henderson – важнейшей авиабазы американцев.

Значимость гавани Нумеа для союзников стала еще более очевидной после 25-27 октября, когда произошло морское сражение у островов Санта Круз. После участия в сражении поврежденный авианосец *Enterprize* вошел в гавань Нумеа вместо возвращения в далекий Пёрл-Харбор. К 11 ноября авианосец снова вступил в бой у берегов Гуадалканала...

В декабре, в момент затишья в боях, Холзи, находившийся на борту *Argonne*, писал: «В первый раз я имел возможность обратить мое внимание на организацию командных усилий и на то, чтобы как следует обосноваться на месте для долгого периода предстоящей борьбы.» Передав командные полномочия, Холзи приступил к увеличению численности своего штабного персонала. «Операции требовали полной концентрации двадцати пяти моих офицеров.» Хорошо понимая, что пребывание штаба на переполненном людьми и душном корабле не будет продуктивным, Холзи стал искать помещения с лучшими условиями для проживания и работы. «Я всегда настаивал на том, чтобы у людей были комфортабельные офисы и жилые помещения, - писал он. – Их рабочий день настолько долг, график настолько плотен, напряжение столь велико, что я полон решимости облегчить им условия работы и проживания настолько, насколько это возможно.» Зная, что повторяющиеся попытки адмирала Гормли переместить рабочие помещения на берег постоянно отвергались французами, Холзи решил попробовать еще раз...

Американские связисты отслеживают перемещения самолетов с помощью радио, радаров и карты в центре слежения и раннего оповещения, расположеннном в Нуумеа

Отдавая себе отчет в том, насколько сильно у французских чиновников развито уважение к наградам, Холзи проинструктировал подполковника Джюлиана Брауна (Julian P. Brown), одного из своих штабных офицеров, прикрепить к своей форме все свои ордена и медали, включая [французский] Военный Крест/Croix de Guerre, полученный им в годы ПМВ, и отправиться к губернатору Моншаму с просьбой о предоставлении помещений на берегу. «Что мы получи взамен?» – спросил Моншам. - «Мы продолжим защищать вас, как мы делали всегда,» - ответил Браун. Моншам сказал, что посмотрит, что можно сделать. Однако вместо этого Моншам отправил де Голлю жесткий меморандум. Он написал генералу: «Высокомерные и постоянно растущие требования союзного командования... делают положение невозможным.» Он сообщил лидеру Свободной Франции о том, что «американские офицеры [уже] занимают все имеющиеся в наличии помещения. Если [персонал] ВМФ США хочет перейти на берег, армейскому персоналу придется освободить помещения. Для тех и других сразу места нет.» Находившийся на Таити д'Арженли полностью поддержал Моншама. Он проинформировал де Голля о том, что американцы уже заняли все недавно построенные здания, обвиняя в этом бывшего губернатора: «Сото всегда уступал их просьбам.»

Еще дважды в декабре Холзи обращался с просьбами дать возможность разместить свой персонал на берегу. Оба раза Моншам или сразу же отвергал их, или говорил Холзи, что ему нужно вступить в контакт с Лондоном и дождаться ответа. Холзи знал, что это не более чем тактические уловки. В итоге, когда подполковник Браун встретился с Моншамом в четвертый раз, он прямо сказал губернатору: «Мы ведем войну, и мы не можем продолжать тратить драгоценное время на эти мелкие заботы. Осмелюсь напомнить вашему превосходительству о том, что, если бы американцы не пришли сюда, это сделали бы японцы.» Оставшийся непоколебимым Моншам всего лишь пожал плечами.

Когда Холзи услышал о реакции Моншама, он заявил: «Мы просто съедем на берег.» Сытый по горло надменностью французского губернатора, вспыльчивый Холзи вызвал свой катер и погрузил на него производящее впечатление караульное подразделение морпехов...

Холзи вспоминал: «Помещения, которые предоставили в наше распоряжение, были штабом посланника Свободной Франции на Тихом океане.»

Зная о том, что офисные помещения посланника оставались незанятыми со времени пребывания д'Арженли в Лондоне, Холзи и сопровождающие его морпехи сошли на берег и промаршировали к ним. Пока одни морпехи окружали здание, другие подняли звездно-полосатый флаг на флагштоке. Холзи пришел туда, чтобы остаться. «Нам все еще было тесно в наших новых офисах, но все было уже не так плохо, как на Argonne,» - писал Холзи. Вслед за этим Холзи и его морпехи приступили к поиску жилых помещений. Лично для Холзи они захватили кирпичный дом на «прохладной, продуваемой ветрами» вершине холма, - дом, который раньше принадлежал японскому консульству. На начальном этапе войны сам японский консул был выслан в Австралию и там интернирован.

«Стулья были такими низкими, что нам казалось, что мы сидим на палубе, а столы едва доставали нам до колен, - вспоминал Холзи. – Мои филиппинские слуги так и не привыкли к моей реакции в те моменты, когда они разбивали предметы из принадлежавшего консулу фарфорового сервиса. Вместо того, чтобы устраивать им выволочку, я говорил: «Да черт с ним! Это японское!» Наибольшее удовлетворение Холзи доставлял тот факт, что каждое утро его морпехи поднимали американский флаг над зданием, которое когда-то принадлежало японскому представителю.»

Холзи продолжал искать жилые помещения для своего персонала. «Мы со временем обосновались в зданиях, из которых состояло миниатюрное Международное Поселение/*International Settlement*, - объяснял позднее Холзи, – в двух модулях Куонсет/*Quonset*, которые мы прозвали *Wicky-Wacky Lodge* (*Wicky-Wacky* – ситуация, в которой все вверх дном и вперемешку – ВК), и в одном ветхом французском домике, прозванный *Развалюхой/Havoc Hall*.» Нуждаясь в большем, Холзи стал требовать у Моншама дополнительных помещений и пространства. Моншам, уже разгневанный несогласованным вторжением Холзи в город, снова отказал ему. «Кажется, здесь совершенно отсутствует желание сотрудничать,» - говорил Холзи... Своему начальству Моншам написал, что «американцы пытаются удушить все французское путем ликвидации всей нашей системы управления, – понемногу, направляя одну просьбу за другой, чтобы заменить ее какой-то американской системой, которая разрушит все, что является французским.»

Холзи не беспокоился о сохранении французского образа жизни. Он должен был делать свое дело независимо от того, кого приходилось гладить против шерсти. «Наша главная трудность, - отмечал он, - заключается в отсутствии желания сотрудничать со стороны французов. Они с ревностью относятся к сохранению своих привилегий и полны желания сохранить, несмотря на военное положение, французские традиции и обычай... Я думаю, они полны желания избежать психологического дискомфорта, связанного со изменениями в привычках, и физического дискомфорта, связанного с арендой нами их сооружений.» Холзи чувствовал, что, несмотря на то, что идет война, французы хотят жить «обычной жизнью». Он пришел к заключению, что французы представляют собой «в большей степени препятствие, чем союзника в войне.»

4 января 1943 года, когда отношения между американцами и Свободной Францией на Новой Кaledонии оставались напряженными, японцы решили оставить Гуадалканал. Хотя Холзи настраивался на то, чтобы убрать свой штаб из Нуэма как можно быстрее, он вскоре понял, что этому не суждено произойти. Новая Кaledония стала важнейшей базой для переброски американских войск и грузов в зону боевых действий архипелага Соломоновы острова. К маю 1943-го, понимая, что ему придется остаться на более долгий срок, чем планировалось, Холзи обратился к французам с просьбой предоставить ему больше пространства. В ответ д'Арженли прислал Холзи список всех зданий и сооружений, которые американцы к тому времени занимали, и уведомил о том, Свободная Франция не может предоставить какие-либо еще помещения. Д'Арженли хотел знать, почему американцы не строят ничего сами, как они делают в Австралии. Прочитав ответ посланника, Холзи

приказал своему персоналу подготовить список зданий, которые возвели американцы, и всех их мероприятий по благоустройству в Нумеа. Полный список включил в себя 2 186 зданий и сооружений, включая 271 складское помещение. В докладе также прозвучало, что из каждой тысячи американцев, находившихся в Новой Кaledонии, 905 проживали в палатках, 90 жили в построенных американцами зданиях, а остальные 5 – во французских домах, и это были в основном офицеры, оплачивающие аренду французским хозяевам. Холзи отправил этот список и сопроводительный отчет в Лондон, чтобы «полностью опровергнуть те характеристики, которые дает нам адмирал д'Арженли.»

Адмирал флота Нимитц и губернатор Новой Кaledонии Кристиан Легэрэ

Пока американцы продолжали свои «прыжки с острова на остров» в архипелаге Соломоновы острова, Новая Кaledония приобретала все большую военную значимость. В 1943 году Нумеа занимала уже второе место после Сан-Франциско по тоннажу грузов, проходивших через морской порт. В ноябре 1942 года порт Нумеа пропускал 1 500 тонн грузов в сутки. К началу 1943 года, с улучшением системы управления и увеличением складских площадей за счет размещения модулей Куонсет близ причалов, порт пропускал уже более 10 000 тонн грузов в день. К сожалению, эта интенсификация грузооборота означала появление еще большего количества неудобств для жителей колонии, поскольку военные грузы были приоритетными, и гражданские грузы нередко ожидали своей очереди по несколько дней и дольше...

Жители колонии и ее администрация стали сталкиваться с непредвиденными трудностями. Пока товары оставались на судах, ожидавших разгрузки, начали расти цены. Как сказал один американец, «контроль за ценами» был не более чем словами. Усилилась инфляция, введенное рационирование плохо регулировались. Стал заметен дефицит свежего мяса, фруктов и овощей... В то время как многие жители Нумеа с обидой воспринимали

усилившуюся американскую оккупацию, для других она обратилась в экономический бум. Появились новые рабочие места в порту и на складах, женщины стали работать прачками, многие женщины и дети стали продавать сэндвичи и прохладительные напитки. К сожалению, значительная часть этих закусок и напитков закупалась в американских кафе и барах, которые не платили местные налоги и в которых заработка у персонала были выше, чем в местных заведениях подобного рода. Французские коммерческие заведения несли убытки вследствие такой не вполне честной конкуренции.

По мере того, как на острове становилось все больше американских палаточных городков, бытовые и культурные противоречия становились все очевиднее. Сообщалось о том, что многие жители колонии злились из-за того, что «погибал их скот, рушились ограды, через их владения прокладывались дороги, вырубались деревья и случалось многое другое.» Один из американских рапортов подтверждал это: «Эти чувства усиливаются, и, если разрушительная деятельность и кражи со стороны американских военнослужащих не будут остановлены, могут возникнуть трудности.» На этот раз жалобы поступали не от Моншама или д'Арженли, – жаловались обычные люди...

Жители колонии начали верить рассказам о том, что американцы хотят захватить остров. Американские представители на Новой Кaledонии получили анонимный доклад о существовании антиамериканских настроений. «Есть много непробиваемых и твердолобых [американцев], возможно, их даже больше среди офицеров, чем среди солдат, – говорилось в докладе, – которые не задумываясь, открыто оскорбляют французов и на людях обсуждают вопрос о том, что будет лучше для Америки: взять под контроль Новую Кaledонию сейчас или после войны.»

Опасаясь полномасштабного восстания, генерал Раш Линкольн (Rush Lincoln), командующий американскими силами обороны колонии, попытался успокоить островитян. В своей переданной по радио речи, произнесенной в марте 1943 года, в первую годовщину прибытия американских войск, Линкольн убедил местных жителей в том, что американцы присутствуют здесь только для того, чтобы защитить Новую Кaledонию, а не для того, чтобы захватить ее. Он выразил сожалению по поводу неудобств, которые испытывают местные жители, но сказал, что это – необходимость в военное время. Он закончил свою речь благодарностью жителям колонии за их гостеприимство и понимание. Сразу после этого речь была передана на французском языке и позднее опубликована на английском и французском. Хотя некоторые страхи поутихли, последовавшие за этим рапорта показали, что дружеское отношение к оккупировавшим остров американцам постыло.

К июню 1943 года губернатор Моншам почувствовал, что с него достаточно. После 10 месяцев в офисе он преисполнился презрения к американцам, новокaledонцам и островной политике. В своем послании д'Арженли он попросил о новом назначении. «Я твердо надеюсь, адмирал, – писал он, – что никогда сюда не вернусь, и хочу получить назначение в боевую часть.» Моншам к тому времени впал в немилость со стороны посланника *Свободной Франции* из-за своей неспособности стоять на своем в общении с Холзи и американцами, поэтому д'Арженли был вполне рад возможности дать ему уйти.

28 августа в Нуэма прибыл временный губернатор Кристиан Легрэ (Christian Laigret), убежденный голлист, лично подобранный д'Арженли. Легрэ продолжил составление длинного списка жалоб по адресу американцев, однако теперь его поддерживали местные жители. Его первым шагом стала поездка по Новой Кaledонии. Он хотел разговора с людьми, хотел сам увидеть разрушения, причиненные американцами. Ему показали поваленные ограды и телефонные столбы, скот, убитый американскими солдатами во время охоты на оленей, потравы посевов, испорченные американскими машинами дороги. Временный губернатор выразил готовность улучшить ситуацию и разобраться с жалобами на поведение американцев.

Одна из наиболее серьезных жалоб касалась поведения американских солдат и моряков по отношению к женщинам Новой Каледонии, особенно поведения черных американцев, которые начали прибывать на остров в конце 1942 года. Легрэ жаловался на то, что чернокожие солдаты ведут себя по отношению к каледонцам агрессивно и оскорбительно, охотятся [на женщин] и ищут приключений. Новый губернатор стал добиваться полного запрета появления черных [американцев] на улицах Нуимеа, но Линкольн отказался от подобного шага. Вместо этого генерал ограничил районы пребывания в городе черных американцев. В дополнение к этому американская военная полиция и береговые патрули были усилены количественно.

Губернатор Легрэ также жаловался на негативный эффект от влияния американских долларов в местную экономику. Тогда как некоторые островитяне ощущали большую выгоду от работы вместе с американцами или на них, другие пострадали экономически. Гражданское население едва могло позволить себе покупки таких необходимых продуктов как сахар и мука, в то время как все это в большом количестве продавалось американцам. Американские автомобили потребляли основную часть технических масел и горючего, основная масса поставляемого продовольствия также потреблялась американцами.

Американские власти также обвиняли в том, что они предпочитают нанимать коренных новокаледонцев – *канаков*, а не белых жителей колонии. Губернатор Легрэ и многие из *Свободных Французов* понимали это так, что американцы ставят темнокожих выше белых и повышают статус коренного населения до беспрецедентного для колонии уровня. Легрэ чувствовал, что это повышения статуса создаст французам трудности в удержании контроля над *канаками* после ухода американцев...

Пытаясь контролировать деятельность своего собственного правительства, Легрэ начал увольнять французских офицеров, которые, по его мнению, стали слишком дружелюбными по отношению к американцам. Хотя он продолжал выполнять указания руководства *Свободной Франции*, которое жалело сохранение французского суверенитета над островом, Легрэ сам по себе превратился в обузу для него. Его антимериканский настрой и неспособность ладить и с американцами, и с некоторыми представителями элиты новокаледонского общества, привели к его отзыву в декабре 1943 года. Тем не менее перед отбытием он произнес две острые речи по поводу того, что он думал об американцах, и того, как Новая Каледония рухнет без него.

Холзи был рад уходу Легрэ и написал: «Губернатор Легрэ полностью провалился в оценке необходимости сотрудничества в военных усилиях, преднамеренно сеял семена вражды между французскими гражданами ... и американскими военными, ... использовал данную его офису власть в запугивании тех, кто был настроен дружелюбно по отношению к американцам, и, тем самым, препятствовал дружескому сотрудничеству, которое должно возобладать.» В заключение он написал: «Ни при каких обстоятельствах Новая Каледония не должна быть возвращена французам: их администрация – это позор.» Холзи не понял того, однако, что Соединенные Штаты не обладают контролем над островом и им нечего возвращать. Хотя и был момент, когда Рузвельт и в самом деле ставил вопрос о том, должны ли французы оставаться владельцами Новой Каледонии после войны, США ни разу не предприняли попытки отстранить *Свободную Францию* от контроля за колонией после восстановления мира в регионе.

В 1944 году новый губернатор, уже шестой по счету с момента падения Франции в 1940 году, принял управление колонией и немедленно приступил к восстановлению отношений между Свободной Францией и американцами. Хотя этот человек, Жак Таллек (Jacques Tallec) был настроен проголлистски, он был полон решимости работать вместе с Соединенными Штатами для укрепления обороны Новой Каледонии и ее процветания. В отличие от своих предшественников, Таллек был уверен в том, что, хотя американцы, может, и захотят сохранить за собой военную базу на Новой Каледонии, они не имеют очевидных намерений включить остров в свои владения. В качестве жеста доброй воли он

незамедлительно восстановил в должностях некоторых из французских офицеров, ранее уволенных губернатором Легрэ.

Французский губернатор Жак Таллек (Jacques Tallec), который сменил Кристиана Легрэ и сотрудничал с американскими военными с большей готовностью, чем его предшественник...

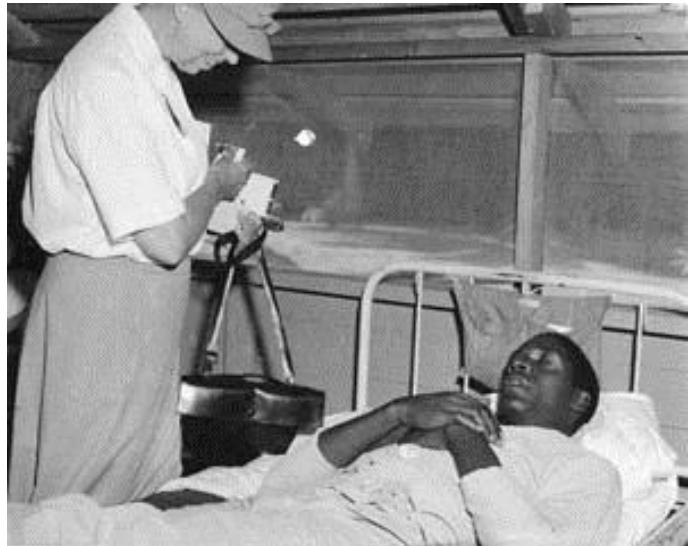
Для французских властей большей угрозой, чем амбиции американцев, было движение новокаледонцев за автономию. Автономисты хотели большего участия в управлении колонией, тогда как *канаки* и небольшое азиатское население не хотело возвращения к довоенной ситуации, когда у них не было политических прав и когда им полагались только низкие заработки.

В марте 1944 года, когда [кампания на Соломоновых островах закончилась](#), американские войска начали перебрасывать свое снаряжение и оборудование на расположенные севернее передовые базы. ВМФ США перестал рассматривать Нумеа в качестве основной базы, переместив свое ремонтное оборудование и технику на атолл Улити в архипелаге Каролинские острова. 15 июня, когда война ушла еще дальше на север и запад, Холзи покинул Новую Каледонию. Когда он ехал на машине по улицам Нумеа, солдаты, моряки и горожане выстроились на обочинах. «Их радостные восклицания, [цветные] ленточки и флаги ослепили меня,» - вспоминал Холзи. – Больше я ни разу не увидел Нумеа.»

В то время как американцы продолжали *перепрыгивать с острова на остров* в центральной части Тихоокеанского ТВД, а генерал Макартур приближался к Филиппинам, Новая Каледония превратилась в глубокий тыл. Новый австралийский консул на острове в 1944 году сказал следующее: «Новая Каледония завершила свою трансформацию из военной базы в базу снабжения и госпитальный центр.» Французская колония теперь стала местом *отдыха и восстановления сил* для американских военнослужащих вдали от линии фронта.

На протяжении еще одного года вплоть до конца войны губернатор Таллек удерживал Новую Каледонию под французским контролем. Из-за множества не отражающих истинного положения вещей докладов д'Арженли и различных губернаторов, генерал де Голль пришел к выводу о том, что жители Новой Каледонии в душе настроены антиамерикански и открыто – профранцузски. Он не мог понять, почему после ухода американцев жители Новой Каледонии не торопятся снова броситься в объятия *Свободной Франции*. На само деле, многие жители колонии чувствовали, что голлистские власти

относятся к ним как к людям второго сорта, и не хотели возвращения к прежнему положению вещей.

Элеонор Рузвельт, супруга президента США, остановилась у кровати раненого американского солдата во время посещения одного из госпиталей на Новой Кaledонии

Хотя американцы ушли, следы их пребывания на острове чувствовалось еще годы спустя. Процветание, привнесенное американцами, привело к повышению заработков и улучшению условий труда. Улучшились дороги, были потуже натянуты телефонные провода, гавань Нуэма была расширена. В дополнение к этому осталось много зданий, построенных для нужд американских вооруженных сил, и теперь они могли быть полезными жителям колонии. Признание прав канаков и жителей азиатского происхождения привело к тому, что они потребовали себе места в управлении колонией. В 1946 году Новая Каледония получила статус заморской территории Франции, и еще через семь лет все островитяне получили французское гражданство независимо от этнической принадлежности...

К концу ВМВ большинство американцев понимало, что их присутствие на Новой Каледонии удержало японцев от вторжения на остров. Они также чувствовали, что это не получило должного признания со стороны Свободных Французов в колонии и за ее пределами. С другой стороны, Свободные Французы считали, что они вели себя как достойные хозяева, принявшие американцев и давшие им возможность использовать остров для того, чтобы победить японцев на Соломоновых островах. Без Новой Каледонии, как считали некоторые из них, победа на этом архипелаге была бы невозможна. Многие Свободные Французы сочли, что они стали объектом эксплуатации со стороны американцев, недооценивших их.

На самом деле, все стороны получили выгоды от взаимодействия друг с другом: Свободные Французы, жители Новой Каледонии и американцы. Хотя самолюбие некоторых было травмировано, случались в эти годы и трудные моменты, все три стороны сумели поладить, в результате чего Новая Каледония была защищена, а империалистическая Япония повержена.

Оригинальная публикация - Gene E. Salecker - на сайте www.warfarehistorynetwork.com

Перевод – Владимир Крупник

Возрат к главной странице www.warsstory.org

